

ISSN: 2219-8229

E-ISSN: 2224-0136

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2219-8229

Has been issued since 2010.

European Researcher. International Multidisciplinary Journal

UDC 63.3(0)6

The Issue of Defining the International-Legal Status of Soviet Prisoners of War

Gulzhaukhar K. Kokebayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
71, Al-Farabi avenue, Almaty 050038
Dr.(History), Professor
E-mail: kokebayeva@mail.ru

Abstract. In this article, the issue of the Great Patriotic War is concretized through the study of the history of Soviet prisoners of war. The poor treatment of Soviet prisoners of war in Nazi camps is investigated in the context of international conventions that defined the status of prisoners of war. Without duplicating commonly known facts on the legal issues of military captivity, the author explores one of the subject's most important aspects – issues related to the USSR's joining international conventions on the rules for treatment of prisoners of war. The first section of the article is dedicated to a discussion in the highest military and diplomatic circles of Germany and certain neutral countries on the definition of the legal status of Eastern front prisoners of war. The second section focuses on the discussion of the issue of the USSR's joining the 1907 Hague convention on "the Laws and Customs of War on Land". As a result of an analysis of sources, the author comes to the conclusion that the main reason behind the poor treatment of Soviet and German prisoners of war lies in that the attitude towards Soviet prisoners of war was defined by the Nazi's primary goal in the war against the USSR – a total annihilation of the Soviet Union.

Keywords: prisoner of war; Nazi camp; Hague Convention; Geneva Convention; International Committee of the Red Cross; international-legal status.

Введение. Война – это не только апогей напряжения международных отношений, война – это судьба конкретного человека. Этот аспект истории войны охватывает также и проблему военнопленных. Именно сейчас, на рубеже тысячелетий, перед историком, как никогда ранее, встает профессиональная и нравственная задача – осмыслить печальный опыт мировых войн, подвести окончательные итоги, отдать дань памяти погибшим, взглянуть на проблему жертв мировых войн, освободившись от политических и идеологических штампов периода противостояния СССР и западного мира. В последнее десятилетие XX века в постсоветском пространстве началось возвращение историческому знанию утраченного им гуманистического содержания. Изучение проблемы военнопленных также должно стать частью становления наполненной гуманистическим содержанием исторической науки.

Материалы и методы. При изучении общемировых аспектов исследуемой проблемы использована концепция о многообразности и альтернативности исторической реальности. Автор на основе анализа переписки различных инстанций, занимающихся проблемой военнопленных, рассматривает возможности альтернативного решения вопроса об определении статуса советских военнопленных. В исследовании использованы принципы

научности, объективности, системности. Любому исследователю, изучающему проблемы гуманитарных наук, очень трудно быть объективным.

Источниковую базу исследования составляют материалы германских архивов, также и опубликованные сборники документов и материалов.

Обсуждение. Интенсивное изучение истории советских военнопленных началось в конце 80-х годов XX в. К настоящему времени появилось немало работ, где освещаются бесправное положение советских военнопленных, тяжелая работа, смертность в лагерях и другие аспекты истории военного плена периода Великой Отечественной войны [1-3]. Правовые проблемы военного плена, отношение советского правительства к военнопленным освещены в монографии известного военного историка и юриста В.П. Галицкого, посвященной судьбе финских военнопленных в СССР [4].

Казахстанская историография проблемы представлена в основном работами, посвященными изучению истории лагерей, расположенных на территории республики.

История советских военнопленных давно и успешно разрабатывается западными, в частности, немецкими исследователями. Х.-А. Якобсен в своей работе приводит тексты документов Верховного Командования Вермахта и Главного штаба сухопутных сил, органов СС об обращении с военнопленными, что является ценным источником для анализа политики нацистских властей по отношению к военнопленным [5]. Монография Х. Штрайта – самая полная и документированная летопись трагедии советских военнопленных в нацистских лагерях [6]. Некоторые немецкие исследователи выражают сомнения относительно сведений об общем количестве и количестве погибших в плену советских военнопленных. Эти данные, приведенные в книге Х. Штрайта, расходятся и с официальной российской статистикой. Но результаты анализа документов и других архивных материалов, полученные Х. Штрайтом, очень ценны для исследователей, занимающихся изучением истории военного плена. В работе юриста А. Штрайма, посвященной исследованию противоправной политики нацистов по отношению к советским военнопленным, использованы материалы судебных процессов, проходивших в Германии в послевоенный период [7]. А. Штрайм детально изучил различные способы уничтожения военнопленных: тяжелая непосильная работа, опасные для жизни научные опыты, массовые убийства. Книга А. Штрайма ценна и тем, что в ней опубликованы тексты некоторых документов из региональных немецких архивов. Политика истребления советских военнопленных, проводившаяся гестапо и участие в ней вооруженных сил нацистской Германии исследованы в работе Р. Отто [8]. Автор на основе документального материала освещает тяжелое положение советских военнопленных в первый год войны, доказывает, что эта ситуация в основном была связана не с объективными условиями военных лет, а целенаправленной политикой нацистской диктатуры.

В данной статье, не дублируя общеизвестные факты по правовым проблемам военного плена, исследуется один из важных аспектов темы – вопрос о присоединении СССР к международным конвенциям о правилах содержания военнопленных.

Проблема определения правового статуса советских военнопленных. Начало военных действий на советско-германском фронте требовало определения правового статуса советских и немецких военнопленных. 24 июня 1941 года Отдел военнопленных Вермахта направил в Иностранный отдел телеграмму с просьбой проверить, есть ли намерения у Советского Союза применять международные конвенции об обращении с военнопленными: «Советской республикой ратифицирована лишь Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, но не Конвенция о содержании военнопленных от 27.7.29. Надо бы проверить, связана ли Советская республика с Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны. По 82-статье Конвенции о содержании военнопленных от 27.7.29 Германия связана с обязательствами конвенции, если даже противник не является участником этого соглашения. При таких обстоятельствах предлагаем через министерства иностранных дел союзных держав попросить Русское правительство дать ответ на вопрос, может ли Германия применять относительно русских военнопленных конвенцию 1929 года и соответственно содержать их. При этом мы надеемся, что Россия тоже будет соблюдать положения этой конвенции и дополнительно заявит о своем присоединении к Конвенции о содержании военнопленных от 27.7.29. Просим рассмотреть это предложение и в случае необходимости уведомить об

этом соответствующим образом Министерство иностранных дел» [9]. На этот запрос Иностранный отдел Верховного командования 27 июня 1941 г. ответил следующей подробной инструкцией:

1) Поскольку Советский Союз не присоединился к Конвенции о военнопленных 1929 года и не сделал никаких заявлений о том, что он признает себя связанным с Гаагской конвенцией, по отношению к Советскому Союзу Германия тоже не связана с какими-нибудь правилами Конвенции о военнопленных. Ссылка Отдела военнопленных на 82-статью не правильна. Эта статья означает лишь то, что Германия связана конвенцией по отношению к другим противникам, которые подписали конвенцию.

2) Спрашивается, противоречит ли известный приказ заявлению о том, что Германия по отношению к Советскому Союзу применяет конвенцию. Это тот случай, когда подобное заявление можно дать, если этот приказ будет модифицирован в интересах военнопленных в Советском Союзе.

3) Возможно, достаточно потребовать от Советского Союза, чтобы он подписал конвенцию. Дальнейшая просьба к нему объявить о признании конвенции, кажется, в политическом смысле нежелательна.

4) В случае, если немецкая сторона должна будет сделать упомянутое заявление, рекомендуем это сформулировать примерно следующим образом: «Несмотря на то, что Советский Союз не присоединился к конвенции о военнопленных, Германия относительно русских военнопленных готова применять правила Конвенции от 27.7.1929 года, при условии, что Советское правительство тоже готово заявить о содержании немецких военнопленных по правилам этой Конвенции» [10].

По просьбе Советского правительства 19 июля 1941 г. шведская дипломатическая миссия в Берлине сообщила МИД Германии о том, что СССР признает нормы Гаагской конвенции 1907 года относительно военнопленных при условии, что Германия тоже будет соблюдать эту конвенцию. В Министерстве иностранных дел Третьего Рейха до 8 августа готовили доклад для Гитлера по поводу ноты СССР и проект ответа немецкого правительства. Получив проект, Гитлер с помощью представителя МИД усилил критически высокомерный тон ноты. 8 августа МИД Германии отправило ответную ноту в Шведское посольство: «Имперское правительство выражает лишь свое крайнее удивление в том, что, несмотря на до сих пор существующее отношение советских войск к попавшим в плен немецким солдатам, советское правительство еще позволяет себе говорить о применении норм международного права при содержании военнопленных и при этом поднимать вопрос о взаимности. Разумеется, имперское правительство всегда обращается с военнопленными по действующим нормам международного права. По сравнению с этим, как состояние погибших пленных солдат, обнаруженных при наступлении немецких войск, так и свидетельские показания переживших плен и освобожденных нашими войсками немецких солдат подтверждают, что невозможно считать Красную Армию армией цивилизованного государства. В такой ситуации советскому правительству, прежде чем начинать разговоры о соглашении с нами по вопросу обращения с военнопленными, следовало бы доказать, что оно желает добиться изменения отношения своих войск и учреждений к немецким военнопленным» [11,12]. Советское правительство в тот же день передало ноту посольствам Швеции и Японии в Москве, где были перечислены международные договоры, которых будет придерживаться СССР в войне против Германии: 1) Гаагская конвенция от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны; 2) Женевский протокол от 17 июня 1925 г. о запрещении применения газа; 3) Женевская конвенция от 6 июля 1906 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; 4) все другие соглашения относительно ведения войны (4-пункт отсутствует в ноте, переданной шведскому посольству). В нотах содержится предупреждение о том, что Советский Союз, «учитывая систематические нарушения гитлеровской Германией международных договоров, будет соблюдать эти соглашения лишь в той мере, в какой оно будет соблюдено Германией». 9 августа нота такого же содержания была вручена болгарскому посольству [13]. В ответе советского правительства на ноту Германии от 8 августа, переданном шведской дипломатической миссии в Москве, вновь говорится о принципе взаимности в соблюдении норм Гаагской конвенции. Далее по поводу обвинений немецкой стороны о жестоком обращении служащих Советской армии с военнопленными сказано: «Правительство Союза Советских

Социалистических Республик категорически отрицает, что при содержании пленных немецких солдат не соблюдает законов войны; немецкие военнопленные содержатся в соответствии с правилами Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны. Правительство Союза не намерено заключать с немецким имперским правительством какие-нибудь соглашения о военнопленных и предъявляет требования к немецкому правительству лишь о том, чтобы точно следовало признанным международным правилам относительно содержания военнопленных и особенно принципов Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны» [14]. Таким образом, и советская, и немецкая сторона держались принципа не уступать друг другу в вопросе определения правил содержания военнопленных. Руководители Третьего Рейха отказались от применения по отношению к советским военнопленным Гаагской конвенции 1907 года, а Советское правительство в своих нотах даже не упоминало о Женевской конвенции 1929 года.

25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г. Народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов направил всем аккредитованным в Москве дипломатическим миссиям официальные ноты, из которых следует, что Советский Союз признал Гаагскую конвенцию 1907 года: «Лагерный режим, установленный для советских военнопленных, является грубейшим и возмутительным нарушением самых элементарных требований, предъявляемых в отношении содержания военнопленных международным правом и, в частности, Гаагской конвенцией 1907 года, признанной как Советским Союзом, так и Германией. Германское правительство грубо нарушает требование Гаагской конвенции, обязывающей воюющие страны обеспечивать военнопленных такой же пищей, как и свои собственные войска (ст. 7 приложения к 4 Гаагской конвенции 1907 года). Ввиду серьезной нехватки людских ресурсов в германской армии, гитлеровцы в отношении военнопленных идут на многие грубые нарушения Гаагской конвенции 1907 года, подписанной Германией. В своей преступной практике систематических злодейских нарушений международного права германская военщина и германское правительство дошли до того, что избиениями и угрозами расстрела заставляют красноармейцев работать в качестве ездовых на повозках, на машинах и транспорте, перевозящем боеприпасы и другие военные грузы на фронте, в качестве подносчиков боеприпасов на огневые позиции и т.д. Все это делается в нарушение прямого запрещения Гаагской конвенцией использования пленных на работах, имеющих какое-либо отношение к военным действиям... Все эти факты являются вопиющим нарушением со стороны германского правительства элементарных принципов и норм международного права и международных соглашений, подписанных представителями самой же Германии. Доводя об этих ужасающих фактах до сведения всех стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, Советское правительство с возмущением протестует перед всем миром против варварских актов нарушения германским правительством элементарных норм международного права» [15, с. 6-8]. Международный Комитет Красного Креста все переговоры относительно содержания военнопленных вел через посольство СССР в Анкаре, поэтому посол Германии в Турции Ф. фон Папен считал себя экспертом по этому вопросу. 27 ноября 1941 г. фон Папен направил телеграмму в Берлин, где пытался доказать необоснованность ссылки В.М. Молотова на нарушение немецкой стороной основных норм Гаагской конвенции:

1) Несмотря на старания МККК, советское правительство не разрешило представителям МККК посетить лагеря военнопленных в СССР. А немецкая сторона дала возможность международным представителям Буркхардту и Халлеру побывать в лагерях русских военнопленных в Германии.

2) Все хлопоты представителей Красного Креста получить от советского посольства в Анкаре сведения о пропавших без вести немецких военнопленных или произвести обмен списками пленных окончились неудачей, хотя немецкая сторона передала через Красный Крест первый список советских военнопленных.

3) В такой ситуации апелляция Молотова к Гаагской конвенции производит странное впечатление, учитывая тот факт, что Советский Союз не присоединился к этой конвенции [16].

Вопрос о присоединении СССР к международным конвенциям. Россия была участницей всех Гаагских конвенций и деклараций 1899 года и десяти Гаагских конвенций

1907 года, в том числе Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г., регулировавшей режим военного плена.

Вопрос о присоединении СССР к Гаагским конвенциям, определяющим режим военного плена, долгое время оставался неясным. Первое упоминание о Гаагской конвенции в советском официальном документе находим в коммюнике Ленинградского военного округа, в котором были отклонены претензии Финляндии о нарушении СССР некоторых положений Гаагской конвенции 1907 года [17, с.10]. Советское правительство оставило без ответа предложение Министерства иностранных дел Финляндии от 31 ноября 1939 г. о взаимном соблюдении Гаагской конвенции 1907 года и Женевской конвенции 1929 года [18, с.25]. Таким образом, в период советско-финской войны отношение СССР к Гаагской конвенции 1907 года оставалось неясным.

Среди немецких исследователей нет единого мнения по вопросу о том, присоединился ли Советский Союз к Гаагской конвенции. Можно ли считать вышеназванные ноты НКВД СССР официальным доказательством признания СССР Гаагской конвенции? Р. Маурах считает, что эти ноты не могут рассматриваться как официальный документ, удостоверяющий присоединение к Гаагской конвенции, так как 6-статья данной конвенции предусматривает определенные требования к оформлению заявления страны о присоединении к конвенции. 6-статья гласит: «Держава, которая желает присоединиться, письменно извещает о своем намерении Нидерландское правительство, передавая ему акт присоединения, который будет храниться в архиве указанного Правительства. Это Правительство немедленно передает всем другим Державам, приглашенным на Вторую Конференцию мира, засвидетельствованную копию оповещения, а равно акта присоединения, указывая день, когда оно получило оповещение». Б. Майснер возражает Р.Маураха, доказывая, что предусмотренные в 6-статье требования должны быть соблюдены лишь в случае присоединения нового государства к Гаагским договорным документам, а СССР рассматривается как юридический субъект, наследующий международные обязательства царской России, к тому же в период передачи этих нот В.М.Молотов был первым заместителем Председателя СНК СССР, и нота с его подписью можно принять как официальный документ, свидетельствующий о признании СССР упомянутой конвенции [19, с.742; 17, с.13-15]. Х.-А. Якобсен как официальное подтверждение присоединения СССР к Гаагской конвенции 1907 года рассматривает ноту советского правительства, переданную в посольство Швеции 17 июля 1941 г., при этом он отмечает соответствие постановления СНК СССР от 1 июля 1941 г. об условиях содержания военнопленных нормам Гаагской конвенции. По мнению Х.-А. Якобсена, правительство Третьего Рейха игнорировало предложение СССР о соблюдении правил Гаагской конвенции [5, с.192-193]. А. Штрайм считает, что советская власть не признала международные договоры, заключенные бывшими правительствами, поэтому предложения СССР Германии придерживаться норм Гаагской конвенции 1907 года при условии взаимности необоснованны [20, с.293-294].

Немецкий исследователь Э.Томсон пишет: «Относительно старых, заключенных дореволюционными правительствами договоров Советское правительство издавна придерживалось такой точки зрения, что не все из них обязательны для Советского Союза, и это может быть решено лишь только применительно к конкретному случаю» [21, с.126]. Постановление от 16 июня 1925 г. подтвердило присоединение СССР к следующим двум международным соглашениям, относящимся к области определения правил ведения войны: 1) Гаагская конвенция от 21 декабря 1904 г. об обращении с госпитальными судами; 2) Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о применении к морской войне основных положений Женевской конвенции 1864 года «Об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны». 5 апреля 1928 года СССР присоединился к протоколу о запрещении применения удушливых, ядовитых и других газов и бактериологических средств, подписанному 17 июня 1925 года Советское правительство больше не принимало официальных постановлений о присоединении к другим международным конвенциям, регулирующих правила ведения войны, в том числе и режим военного плена. Известный специалист по международному праву Е.А.Коровин еще в 20-х годах писал, что поскольку гаагские и другие военные конвенции не денонсированы Советской Россией, следует считать ее юридически с ними связанной, «с неизбежной, однако поправкой на социальную революцию» [22, с.113]. Однако в первом издании Большой советской энциклопедии

указано, что относительно «правил военного плена правительство СССР не считает себя связанным какими бы то ни было международными соглашениями» [23]. В.А. Золотарев, председатель комиссии при президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, пишет, что отношение советской власти к Гаагским конвенциям, регулирующим режим военного плена, И. Сталин выразил в декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б), охарактеризовав конференцию 1899 года как «образец беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии» [24].

Причина отказа советской власти от признания международных договоров, заключенных царской Россией, обусловлена идеей необходимости слома старого государственного аппарата и создания государства нового типа, служащего интересам рабочего класса. Установление советской власти считалось не обычной сменой формы правления, а сменой общественно-экономических формаций.

Среди советских исследователей не дискутировалась проблема присоединения СССР к Гаагской конвенции 1907 года, в работах, опубликованных в последние годы войны, признание Советским Союзом Гаагской конвенции считалось подтвержденным фактом. Однако советское правительство не рассматривало упомянутые ноты НКВД в качестве официального заявления о признании Гаагской конвенции. В марте 1955 г. посольство Нидерландов, по поручению своего правительства, являющегося депозитарием Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., обратилось в МИД СССР с просьбой сообщить, считает ли правительство СССР себя связанным с названными Гаагскими конвенциями, которые были ратифицированы Россией. 7 марта 1955 года МИД СССР направило ответную ноту, в которой сообщило, что: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик признает ратифицированные Россией Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 гг., разумеется в той мере, в какой эти конвенции и декларации не противоречат Уставу ООН и если они не были изменены и заменены последующими международными соглашениями, участником которых является СССР, такими, как Женевский протокол 1925 года о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств и Женевские конвенции 1949 года о защите жертв войны» [25]. Однако это запоздалое официальное признание международных конвенций, регулирующих режим военного плена, уже не имело определенного значения для бывших советских военнопленных.

Политика нацистских властей по проблеме военнопленных. По мнению немецкого исследователя Х. Штрайта, решающими критериями для определения основополагающих принципов обращения нацистских властей с военнопленными были, с одной стороны, их положение в национал-социалистской расовой иерархии, с другой стороны, учитывались возможные репрессии против немецких пленных в государствах антигитлеровской коалиции. «На самом вершине иерархической лестницы стояли английские военнопленные, а позже вместе с ними американцы. Важным при этом было то, что Гитлер долгое время питал надежду на привлечение на свою сторону Англии, которую он хотел видеть «естественным» союзником Германии», – пишет Х. Штрайт [6, с. 69]. На наш взгляд, нельзя с уверенностью говорить о надежде Гитлера на возможность привлечения Англии на свою сторону уже после начала второй мировой войны. Поэтому главными критериями в определении политики нацистского руководства относительно обращения с военнопленными разных государств служили основные цели ведения войны в каждой из этих стран. Война на Западе велась нацистами за господство в Европе, здесь они не говорили о борьбе разных идеологий. Наносив сокрушительный удар демократическому строю и либеральным ценностям в Германии, нацисты, видимо, не считали западные демократии грозным врагом. Захватническая политика нацистов в западных странах была ориентирована на использование их экономических ресурсов в военных целях, использование их многовекового опыта в управлении государством, организации и развитии разных отраслей экономики, торговли и финансовой системы в дальнейшем в создании государственного аппарата и экономической структуры будущей «Великой Германии». Поэтому нацистская верхушка старалась соблюдать Женевскую конвенцию 1929 года при обращении с военнопленными этих стран. В марте 1942 года по предложению Германии между США и Третьим Рейхом была достигнута договоренность при обращении с военнопленными соблюдать положения Женевской конвенции «О содержании

военнопленных» от 27 июля 1929 г. [26]. Второй фактор, названный Х.Штрайтом, т.е. опасение своим плохим отношением к военнопленным западных стран вызвать ответные меры против немецких военнопленных в их руках, действительно имело определенное значение.

В немецких лагерях в самом худшем положении находились советские военнопленные. Отношение к советским военнопленным определялось основной целью нацистов в войне с СССР. В своих выступлениях А. Гитлер подчеркивал, что война против СССР – «это нечто большее, чем просто вооруженная борьба; это конфликт двух мировоззрений» [27, с. 22; 28, с. 340]. 30 марта 1941 г. на совещании А. Гитлер снова повторил эту мысль. Выдержку из этой речи А. Гитлера приводит в своем дневнике Ф. Гальдер: «Борьба двух идеологий: уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Огромная опасность коммунизма для будущего. Мы не должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и не станет нашим товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение» [29, с.431].

Политика нацистских властей относительно советских военнопленных сформировалась еще при разработке плана нападения на СССР. По мнению Х. Штрайта, еще до нападения на СССР были разработаны три документа, предусматривающие принципы обращения с советскими военнопленными, тексты которых не сохранились. Первый из них – разработанные 18 мая 1941 г. директивы о привлечении советских пленных на работы в запланированных рейхскомиссариатах, второй – «Записи доклада с проектом положений об обращении с военнопленными» от 21 мая, третий – проект «Организации вопросов, связанных с содержанием и обращением с военнопленными по плану «Барбаросса» [6, с.73]. В мае 1941 года был разработан проект приказа Верховного командования Вермахта относительно преследования и уничтожения политических работников Советского Союза. В 3-пункте этого документе предписывалось: «с политическими руководителями подразделений и частей следует обращаться соответственно предложению Главного командования сухопутных войск; пленными их не признавать и потому уничтожать их не позднее чем в пересыльных лагерях, ни в коем случае не отправляя в тыл» [27, с.30]. В «Директивах Верховного командования Вермахта об уничтожении политических комиссаров и функционеров Красной Армии» от 6 июня 1941 г. предписывалось: «в борьбе против большевизма не обращаться с военнопленными с точки зрения человечности и по нормам международного права, так как от политических комиссаров всякого рода как от собственных носителей сопротивления нужно ожидать полное ненависти, жестокое и нечеловеческое обращение с нашими пленными» [30, с.137-139]. «Приказ об осуществлении подсудности на территории операции «Барбаросса» освобождал немецких военнослужащих от уголовной ответственности за совершенные преступления на территории, оккупированной в результате военных действий по плану «Барбаросса».

Приказ об уничтожении комиссаров был дополнен приказом № 8 начальника полиции безопасности и службы безопасности Р. Хайдриха от 17 июля 1941 г. «О задачах оперативных групп и полиции безопасности в лагерях военнопленных». Задачи оперативных групп заключались в выявлении и отборе коммунистов и евреев в пересыльных и постоянных лагерях военнопленных в Восточной Пруссии, на оккупированной территории Польши и Советского Союза. [31]. «Большевизм – смертельный враг национал-социалистической Германии» – это слово повторяется во всех приказах и распоряжениях Главного командования Вермахта, изданных в июне-сентябре 1941 г. [32].

Заключение. Сопоставление фактов показывает, что главная причина плохого содержания советских и немецких военнопленных заключается не в том, что Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию 1929 года и хотел придерживаться правил Гагской конвенции, а Германия ставила условие обязательного присоединения СССР к Женевской конвенции, хотя кончено, это тоже играло далеко не последнюю роль. Нацистские власти не желали положительного решения вопроса об определении правового статуса советских военнопленных. По 82-статье Женевской конвенции 1929 года ее положения должны соблюдаться высокими договаривающимися сторонами при всех обстоятельствах; если в случае войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее положения конвенции остаются обязательными для всех воюющих стран, подписавших ее.

Если бы немецкая сторона хотела соблюдать международные нормы в обращении с советскими военнопленными, то она могла бы придерживаться положения, зафиксированного в 82-статье Женевской конвенции. Поэтому упорство нацистского руководства в требовании официального присоединения СССР к Женевской конвенции 1929 года было лишь поводом для несоблюдения международных норм по отношению к советским военнопленным.

Примечания:

1. Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М.: Изд-во «Ваш выбор ЦИРЭ», 1996. 442 с.
2. Polian P. Deportiert nach Hause: sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. Wien; München: Oldenburg, 2001. 220 S.
3. Арзамаскин Ю.Н. Заложники второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944-1953 гг. М.: Фокус, 2001. 145 с.
4. Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939-1953 гг.). М.: Грааль, 1997. 248 с.
5. Jakobsen H.-A. Komissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener // Buchheim H., Broszat M., Jakobsen H.-A., Krausnick H. Anatomie des SS-Staates. Bd.2. Freiburg: Walter-Verlag, 1965. S.163-281.
6. Streit Ch. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetische Kriegsgefangenen 1941-1945. Bonn: Dietz, 1991. 448 S.
7. Streim A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente 1941-1945. Heidelberg: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1982. 246 S.
8. Otto R. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42. München: Oldenburg, 1998. 288 S.
9. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/506. Bl.6.
10. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/509. Bl.10.
11. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Berlin). R 29717. Bd.6. Bl.329.
12. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 2/158. Bl.20.
13. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Berlin). R 29719. Bd.8. Bl. 279, 299, 334.
14. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Berlin). R 29718. Bd.7. Bl.22-23.
15. О немецко-фашистских злодеяниях и зверствах. Ноты Народного Комиссара иностранных дел СССР тов. В.М. Молотова. М.: ОГИЗ, 1943. 96 с.
16. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Berlin). R 29718. Bd.7. Bl.109.
17. Meissner B. Sowjetunion und Haager LKO. Gutachten und Dokumentsammlung. Hamburg: Forschungsstelle f. Volkerrecht u. Ausländisches öffentliche, 1950. 68 S.
18. Verbrechen an der Wehrmacht. Kriegsreue der Roten Armee 1941/42. Hrsg. Franz W. Seidler. Bd. 1. Selent: Pour le Mérite, 1998. 383 S.
19. Maurach R. Das Kriegsrecht von Blickfeld der Sowjetunion // Jahrbuch für internationales und ausländisches öffentliches Recht. 1949. Jg. 2. S.739-746.
20. Streim A. Das Völkerrecht und die sowjetischen Kriegsgefangenen // Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa». Im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes. München: R.Piper GmbH, 1991. S.291-309.
21. Sowjetunion. Aussenpolitik: Volkerrechtstheorie und Vertragspolitik. Hrsg. D. Geyer. Köln, Wien: Böhlau, 1976. 334 S.
22. Коровин Е.А. Международное право переходного времени. М.: Госиздат, 1924. 139 с.
23. Большая Советская Энциклопедия. 1-изд. В 65 т. Под ред. О.Ю. Шмидта. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1928. 832 с.
24. Золотарев В. Пленных войн XX века разыскивают в веке XXI // Независимое военное обозрение. 2005. 28 октября.
25. Сообщение ТАСС // Правда. 1955. 9 марта.
26. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/506. Bl.87.
27. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М.: Наука, 1973. 726 с.
28. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Bd. 1. Frankfurt am Main: Bernard u. Gräfe Verlag, 1965. 1285 S.

29. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг. Пер. с нем. Т. 2. М.: Воениздат, 1969. 328 с.
30. Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933-1945. Hrsg. Von H. Kaden und L. Nestler. Bd. 1. Berlin: Dietz, 1993. 261 S.
31. Bundesarchiv (Berlin). R 58/272. Bl.54-58.
32. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 4v/763. Bl.4-10.

References

1. Poljan P. Zhertvy dvuh diktator. Ostarbaitery i voennoplennye v Tret'em Reihe i ih repatrzjazia. M.: Izd-vo "Vash vybor ZIRS", 1996. 442 p.
2. Polian P. Deportiert nach Hause: sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. Wien; München: Oldenburg, 2001. 220 S.
3. Arzamascin J. N. Zalozhniki vtoroj mirovoj vojny. Repatrzjazia sovetskih grazhdan v 1944-1953 gg. M.: Fokus, 2001. 145 p.
4. Galizkij V.P. Finskie voennoplennye v lagerjah NKVD (1939-1953 gg.). M.: Graal', 1997. 248 p.
5. Jakobsen H.-A. Komissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener // Buchheim H., Broszat M., Jakobsen H.-A., Krausnick H. Anatomie des SS-Staates. Bd.2. Freiburg: Walter-Verlag, 1965. S.163-281.
6. Streit Ch. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetische Kriegsgefangenen 1941-1945. Bonn: Dietz, 1991. 448 S.
7. Streim A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente 1941-1945. Heidelberg: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1982. 246 S.
8. Otto R. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42. München: Oldenburg, 1998. 288 S.
9. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/506. Bl.6.
10. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/509. Bl.10.
11. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 29717. Bd.6. Bl.329.
12. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 2/158. Bl.20.
13. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 29719. Bd.8. Bl. 279, 299, 334.
14. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 29718. Bd.7. Bl.22-23.
15. O nemezko-fashistskih zlodejanjah i zverstvah. Noty Narodnogo Komissara inostrannyh del SSSR tov. V.M.Molotova. M.: OGIZ, 1943. 96 p.
16. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 29718. Bd.7. Bl.109.
17. Meissner B. Sowjetunion und Haager LKO. Gutachten und Dokumentsammlung. Hamburg: Forschungsstelle f. Volkerrecht u. Ausländisches öffentliche, 1950. 68 S.
18. Verbrechen an der Wehrmacht. Kriegsreue der Roten Armee 1941/42. Hrsg. Franz W. Seidler. Bd. 1. Selent: Pour le Mérite, 1998. 383 S.
19. Maurach R. Das Kriegsrecht von Blickfeld der Sowjetunion // Jahrbuch für internationales und ausländisches öffentliches Recht. 1949. Jg. 2. S.739-746.
20. Streim A. Das Völkerrecht und die sowjetischen Kriegsgefangenen // Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa». Im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes. München: R.Piper GmbH, 1991. S.291-309.
21. Sowjetunion. Aussenpolitik: Volkerrechtstheorie und Vertragspolitik. Hrsg. D. Geyer. Köln, Wien: Böhlau, 1976. 334 S.
22. Korovin E.A. Mezhdunarodnoe pravo perekhodnogo vremeni. M.: Gosizdat, 1924. 139 p.
23. Bol'shaja Sovetskaja Enziklopedja. 1-izd. V 65 t. Pod.red. O.J.Shmidta. T.12. M.: Sovetskaja Enziklopedja, 1928. 832 p.
24. Zolotarev V. Plennyh vojn XX veka razyskivajut v veke XXI // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2005. 28 oktjabrja.
25. Soobshenje TASS // Pravda. 1955. 9 marta.
26. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/506. Bl.87.
27. Dashishev V.I. Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma. Istorisheskie osherki. Dokumenty i materialy. T.2. M.: Nauka, 1973. 726 p.
28. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Bd. 1. Frankfurt am Main: Bernard u. Gräfe Verlag, 1965. 1285 S.

29. Galder F. Voennyj dnevnik. Ezhadnevnye zapisi nashal'nika General'nogo shtaba Suhoputnyh vojsk 1939-1942 gg. Per. s nem. T.2. M.: Voenizdat, 1969. 328 p.
30. Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933-1945. Hrsg. Von H. Kaden und L. Nestler. Bd. 1. Berlin: Dietz, 1993. 261 S.
31. Bundesarchiv (Berlin). R 58/272. Bl.54-58.
32. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 4v/763. Bl.4-10.

УДК 63.3(0)6

**Проблема определения международно-правового
статуса советских военнопленных**

Гульжаухар Кокебаева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан
050038 Алматы, пр. Аль-Фараби, 71
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: kokebayeva@mail.ru

Аннотация. В статье проблема Великой Отечественной войны конкретизирована изучением истории советских военнопленных. Плохое содержание советских военнопленных в нацистских лагерях исследуется в контексте международных конвенций, определявших статус военнопленных. В статье, не дублируя общеизвестные факты по правовым проблемам военного плена, исследуется один из важных аспектов темы – вопрос о присоединении СССР к международным конвенциям о правилах содержания военнопленных. Первый раздел статьи посвящен обсуждению в высших военных и дипломатических кругах Германии и нейтральных стран вопроса об определении правового статуса военнопленных на Восточном фронте. Второй раздел фокусируется на обсуждение проблемы присоединения СССР к Гаагской конвенции 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны». В результате анализа источников автор приходит к выводу, что главная причина плохого содержания советских и немецких военнопленных заключается в том, что отношение к советским военнопленным определялось основной целью нацистов в войне с СССР – полное уничтожение Советского Союза.

Ключевые слова: военнопленный; нацистский лагерь; Гаагская конвенция; Женевская конвенция; международный Комитет Красного Креста; международно-правовой статус.